РАЗСКАЗЪ СМОЛЕНСКАГО ДЬЯКОНА О НАШЕСТВІИ 1812 ГОДА.

Изъ воспоминаній К. Н. Леонтьева.

Въ Смоленской губерніи, недалеко отъ Вязьмы, есть село Спасское-Телепнево. Оно принадлежало, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими прекрасными господскими имѣніями, подъ рядъ расположенными почти до самой Вязьмы, дядѣ моему генералъ-майору Владиміру Петровичу Коробанову. Послѣ смерти его все это богатство наслѣдовалъ сынъ его отъ первой жены (урожденной Тургеневой) Ѳедоръ Владиміровичъ. Этотъ ничтожный, ни на что неспособный молодой человѣкъ въ короткое время запуталъ, прожилъ, промоталъ безслѣдно все наслѣдство свое и кончилъ жизнь *въ лечебницѣ больныхъ*, гдѣ его, кажется, изъ милости содержали какіе-то родные, и доведенъ онъ былъ до того, что ему дарили добрые люди по двугривенному на папиросы.

Теперь, какъ я слышалъ, красивое, живописное Спасское принадлежитъ одному изъ тѣхъ прощалыгъ, которые векселями взятыми во время и т. п. «легальными» пріемами умѣютъ такъ хорошо пользоваться пустотой и безсмысленной необузданностью молодыхъ Русскихъ дворянъ, подобныхъ покойному двоюродному брату моему. Но въ то время, о которомъ я хочу вспомнить, Спасское еще было въ порядкѣ. Это было въ 1851 или 1852 году. Я былъ тогда студентомъ-медикомъ.

Есть на Пречистенкѣ очень большой, длинный, трехэтажный домъ, противъ церкви Троицы въ Зубовѣ. Онъ принадлежалъ тогда богатой, пожилой и почтенной женщинѣ Натальѣ Васильевнѣ Охотниковой; молодая дочь Натальи Васильевны, Анна Павловна, была второй женой дядѣ моему Владиміру Петровичу Коробанову, мачихой промотавшему все Ѳедору Владиміровичу. Мужъ, умирая (еще въ началѣ 40-хъ годовъ), завѣщалъ Спасское въ пожизненное пользованіе молодой вдовѣ своей.

При Аннѣ Павловнѣ въ Спасскомъ было хорошо, и все сохранялось въ такомъ-же видѣ какъ было при дядѣ.

Усадьба Спасскаго-Телепнева была очень своеобразна. Домъ, садъ и всѣ службы были расположены на плоской и ровной горѣ; подъ горой по большому оврагу протекаетъ рѣчка; а по ту сторону, на болѣе низкомъ берегу, прямо противъ дома, улица крестьянскихъ избъ.

Домъ (позднѣе сгорѣвшій дотла у Ѳедора Владимировича въ распоряженіи) былъ въ родѣ городскаго, кирпичный, бѣлый, штукатурный, съ просторнымъ мезониномъ. Этотъ городской стиль наружной архитектуры былъ мнѣ не совсѣмъ по вкусу; но внутри домъ былъ хорошъ: помѣстительный, звонкій, лѣтомъ прохладный, съ паркетными полами; потолки были очень ярко и за ново раскрашены; изображенные на нихъ гирлянды, фрукты, пестрые букеты, синія съ золотомъ вазы, или длинные кувшинники и райскія птицы доставляли мнѣ множество наслажденій не только въ дѣтствѣ моемъ, но и тогда уже, когда я, подъ руководствомъ Севрука и Соколова, занимался трупоразъятіями въ Московскомъ анатомическомъ театрѣ и въ тоже время въ «часы досуга» съ ужасной острой болью юношескаго разочарованія чуть не плакалъ надъ «Тройкой» Некрасова и надъ стихами Огарева.

Въ Спасскомъ было много поэзіи; въ домѣ было столько простора и достатка, пестроты и безмолвія; окрестности зелены, живописны и лѣсисты; садъ — задумчивъ и даже мраченъ. Этотъ садъ или вѣрнѣе паркъ, съ прямыми туда и сюда аллеями, былъ весь *еловый*, что дѣлало эту усадьбу особенно оригинальной. Я нигдѣ этого кромѣ Спасскаго не видалъ. Сосновый паркъ не былъ-бы такъ суровъ и теменъ. Въ еловой чащѣ всегда стоитъ какая-то особая таинственная мгла отъ множества тонкихъ и высохшихъ нижнихъ вѣтвей; а зелень эта такъ темна, монументальна и строга!

Вообще, въ Спасскомъ почти все мнѣ нравилось кромѣ одного, какъ я уже сказалъ, кромѣ наружнаго вида дома, слишкомъ городскаго. Остальное все было хорошо.

Хозяйка, молодая вдова моего дяди, была очень дружна и съ матерью моей, и со мною. Собой она была красива, въ родѣ смуглой Цыганки, весела, ласкова, образована, остроумна.

Я очень любилъ гостить въ Спасскомъ, и такъ какъ оно отстоитъ отъ нашего Калужскаго имѣнія всего только верстъ на девяносто, то мы почти каждое лѣто на своихъ ѣздили туда и проводили тамъ одну-двѣ-три недѣли.

Кромѣ желанія тихо повеселиться и помечтать въ прекрасномъ имѣніи у милой хозяйки, была еще и другая причина, которая при-

влекала меня въ эту мѣстность. Смоленская губернія представлялась мнѣ тогда несравненно многозначительнѣе нашей Калужской. Она была въ глазахъ моихъ озарена сіяніемъ исторической славы. Я слышалъ отъ сестры моей, которая родилась и выросла подъ этой самой Вязьмой, столько разсказовъ о 12-мъ годѣ, такъ много съ раннихъ лѣтъ читалъ о нашествіи Французовъ; я такъ *любилъ* и *чтилъ* самаго Наполеона и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ гордился его пораженіемъ въ Россіи; я такъ много зналъ по свѣжему преданію даже о домашней жизни моего дѣда и близкихъ ему лицъ. Большіе портреты, которые висѣли на темно-синихъ обояхъ съ золотыми звѣздочками въ нашей Калужской гостинной, съ дѣтства пріучили меня видѣть передъ собой владѣтелей Спасскаго какъ живыхъ людей «во плоти».

Посѣщенія Спасскаго всякій разъ еще болѣе оживляли во мнѣ всѣ эти представленія, эти образы и событія прошедшаго. Всѣ эти люди жили, боролись, веселились и страдали—*здѣсь*, въ самомъ Спасскомъ или неподалёку отсюда.

Эти люди, это время, казалось, были отъ меня и современниковъ моихъ такъ уже далёко; ихъ вкусы, ихъ привычки, ихъ идеалы были во многихъ отношеніяхъ съ моими тогдашними такъ несходны (мои *тогдашніе* были ближе, увы! къ *современнымъ*, чѣмъ *нынѣшніе* мои идеалы и вкусы); но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки моимъ *новымъ* и свѣжимъ тогда идеямъ и вкусамъ, я ощущалъ непостижимую внутреннюю связь сердца съ *этой* эпохой и съ этими отшедшими въ вѣчность людьми.

Наконецъ, я былъ близокъ или встрѣчался со столькими лицами, которыя знали то время не со словъ другихъ или по книгамъ и картинамъ, какъ я, а сами *жили тогда, видѣли* Кутузова, императора Александра Павловича, *говорили* съ Маріей Ѳеодоровной, *видѣли* Французскихъ плѣнныхъ, Французскіе трупы, полу-засыпанные *нашимъ* снѣгомъ, сгорѣвшую Москву, опустѣлыя деревни тамъ, гдѣ теперь опять цвѣли господскія усадьбы и гдѣ все казалось снова столь прочнымъ, достаточнымъ, даже до пресыщенія незыблемымъ....

Въ самомъ Спасскомъ на стѣнахъ осталось отъ дяди много хорошихъ гравюръ, снимковъ съ картинъ Ораса Вернета и другихъ Французскихъ батальныхъ живописцевъ. Раненный усатый гренадеръ, одиноко и печально сидящій на срубленномъ деревѣ среди снѣжнаго поля; взятіе Русскаго редута Французскими гренадерами въ знаменитыхъ мѣховыхъ шапкахъ. Не такъ далеко, въ другомъ своемъ имѣніи, дѣдъ самъ обучалъ на дворѣ цѣлую роту лихихъ ополченцовъ, обмундированныхъ и вооруженыхъ имъ на собственныя средства и въ порывѣ патріотическаго гнѣва приказалъ псарямъ своимъ гнать съ этого двора арапниками гостя, родственника своего Станкевича, за

то, что тотъ осмѣлился сказать: «Охота тебѣ жертвовать такими молодцами! А я поставилъ, братъ, все мужиковъ плохихъ, такихъ, отъ которыхъ мнѣ проку мало въ работѣ».

Тамъ, еще подальше, ближе къ Вязьмѣ, есть лѣсъ. Въ этомъ лѣсу убили казаки Французскую *генеральшу*. Вотъ какъ это было. Выѣхалъ изъ Вязьмы генералъ Французскій въ каретѣ. Мѣсто казалось безопаснымъ, посреди Французскихъ войскъ, и конвоя они не взяли. Однако въ лѣсу ихъ неожиданно встрѣтили казаки. Генералъ хотѣлъ сдаться безпрекословно, но жена его выстрѣлила изъ пистолета и убила одного молодаго казака. Тогда отецъ и братъ убитаго вытащили ее изъ кареты и, не смотря на мольбы мужа, оставленнаго ими въ живыхъ, изрубили при немъ отважную и неразумную Француженку.

Все это было такъ *близко*, такъ еще живо въ памяти у многихъ, что, при всей глупой и грубой «реальности» моего міровоззрѣнія, *какъ медицинскаго студента*, при всемъ тоскливомъ *субъективизмѣ* моей тогдашней умственной жизни, я освѣжался всякій разъ при этомъ соприкосновеніи со святыней общенародной славы, и мысль моя, объективируясь, невольно становилась проще, тверже, здоровѣе...

Въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Спасское я познакомился съ тамошнимъ дьякономъ, наружность котораго я помню хорошо, но имя забылъ. Быть можетъ, онъ и теперь еще живъ. Замѣчая, что я интересуюсь преданіями отечественной войны, Анна Павловна мнѣ въ угоду пригласила отца-дьякона на вечерній чай. Онъ былъ еще не старъ; лѣтъ около сорока, не больше.

Послѣ чая мы остались одни, и я сталъ его распрашивать. Дьяконъ очень охотно разсказалъ мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ времени нашествія, и я нахожу, что эти эпизоды, взятые въ совокупности своей, довольно характерны. Эпоха съ ея доблестями и темными сторонами отражается въ нихъ ярко, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ».

Вотъ что говорилъ мнѣ отецъ-дьяконъ.

*

Многіе изъ здѣшнихъ крестьянъ во время нашествія вели себя необузданно, какъ разбойники. Мнѣ было тогда лѣтъ 8—9. Батюшка мой былъ здѣсь священникомъ, при дѣдушкѣ вашемъ Петрѣ Матвѣевичѣ. Дѣдушка, какъ вы знаете, жилъ не здѣсь, въ Спасскомъ, а въ Соколовѣ. Однако и здѣсь была господская усадьба. Какъ только, передъ вступленіемъ непріятеля, Петръ Матвѣевичъ уѣхалъ служить въ ополченіе, а бабушка ваша въ Костромское свое имѣніе, сейчасъ же и начали мужики шалить: то тащутъ, то берутъ, другое ломаютъ. Батюшка покойный сокрушался и негодовалъ, но и самъ опасался

эстьянъ. Одинъ разъ идетъ онъ и видитъ, стоитъ барская карета ружи, изъ сарая вывезена, и около нея мужикъ съ топоромъ.

— Ты что это съ топоромъ? спросилъ батюшка.

— Вотъ хочу порубить карету, дерево на растопку годится, и е кой-что повыберу изъ нея.

А лѣсъ близко. Нѣтъ, ужъ ему и до лѣса дойти не хочется. рская карета ближе!

Стало батюшкѣ жаль господской кареты, онъ и говоритъ мужику:

— Образумься! Безсовѣстный ты человѣкъ! Тутъ непріятель подцитъ, а ты христіанинъ, православный грабительствомъ занимаешься. если вернется благополучно Петръ Матвѣевичъ и узнаетъ, что тебѣ гда будетъ?

А мужикъ ни чуть не испугался, погрозился на батюшку топомъ и говоритъ:

— Ну, ты смотри, я тебя на мѣстѣ уложу тутъ. Я и Петра Матевича теперь не боюсь; пусть онъ покажется, я и ему *брюхо баланомъ распущу!*...

Вотъ какая дерзость!

Батюшка ужаснулся и ушелъ отъ него.

И такъ разореніе отъ своихъ продолжалось. Входили въ домъ естьяне и дѣлали что хотѣли. Была, напримѣръ, у дѣдушки вашего на комната; кабинетъ что ли, не знаю; обита вся по стѣнамъ и по толку клеенкой на зиму для тепла. Клеенка эта была прибита цѣльми полосами отъ пола сверхъ черезъ потолокъ и на другую сторо внизъ опять до самаго пола... Кругомъ около потолка небольшимъ рнизомъ было обведено. Такъ вотъ это я самъ своими глазами вилъ. Знаете, дѣтство, любопытствуешь, вездѣ бѣгали съ братьями. бломали мужики верхній карнизъ; подрѣжутъ снизу клеенку, да такъ зьмутъ руками за одинъ конецъ и отдерутъ все до другаго конца эзжалостно. И чего только они не дѣлали! Наконецъ посягнули на жизнь батюшки моего, но Господь его спасъ.

Вотъ какъ это было. Сидѣли мы всѣ дѣти съ батюшкой и съ атушкой поздно вечеромъ и собирались уже спать, какъ вдругъ слыимъ, стучатся въ ворота.

— Отопри, хуже убьемъ!

Матушка перепугалась, и мы всѣ какъ обезумѣли отъ страха, а ужики ломятся. Ужъ не помню я, вломились ли они или самъ батюша имъ рѣшился отпереть, только помню, какъ вошелъ народъ съ торами и ножами и всѣхъ насъ мигомъ перевязали, матушку на печкѣ ставили, насъ по лавкамъ; а батюшку взяли за ноги, да объ перeадину, что потолокъ поддерживаетъ, головой бьютъ. Изба наша, ко-

нечно, была низенькая, простая. Вотъ они бьютъ отца моего головой объ бревно и приговариваютъ: «А гдѣ у тебя, батька, деньги спрятаны; давай деньги!

— Какія деньги! Была самая малость.

Они все бьютъ его головой съ разсчетомъ, чтобъ сразу не убить, а узнать, гдѣ деньги. Постучатъ, постучатъ головой и дадутъ ему отдохнуть; видятъ, что онъ въ памяти, опять колотить.

Мы видимъ все это и плачемъ... Однако Господь спасъ насъ!. Жила у насъ дѣвочка крестьянская, сиротка лѣтъ десяти.

Дѣвочка умная, смѣлая. Никто и не замѣтилъ, какъ она выскочила изъ избы. Она выскочила въ ту самую минуту, какъ мужики вломились и побѣжала . къ одной сосѣдкѣ-помѣщицѣ. Эта помѣщица была дама небогатая, только пресмѣлая, и дворовые люди ей были преданы. Она рѣшилась никуда отъ Французовъ не ѣхать [1]), а осталась въ своемъ имѣніи, очень близко отъ насъ. Но такъ какъ грабежа и грубостей отъ своего народа опасалась она больше, чѣмъ самаго непріятеля, то и сама всегда ходила вооруженная и сформировала изъ слугъ своихъ небольшой отрядъ тѣлохранителей, молодецъ къ молодцу! Сиротка наша прямо къ ней и объясняетъ, что батюшку мужики убить хотятъ. Мигомъ помѣщица снарядилась, пріѣхала съ вооруженными людьми... Взошли, накрыли разбойниковъ, одолѣли ихъ какъ разъ; барыня сама скомандовала: «перевязать ихъ такихъ, сякихъ!» И къ ближайшему начальству отвели.

Такъ Богъ спасъ намъ батюшку. Къ счастію, барыня такъ поспѣшила, что большаго вреда разбойники не успѣли ему сдѣлать. Не долго поболѣлъ онъ и рѣшился покинуть послѣ этого свое жилище, и всей семьей собрались мы ѣхать въ Калужскую губернію, въ Медынскій уѣздъ. Тамъ у насъ были родные. Французовъ еще мы не видали, хотя по слухамъ они были уже близко.

Поѣхали мы не одни. Хорошихъ людей собрался цѣлый обозъ. Не всѣ крестьяне были одного духа; были между ними и очень хорошіе люди. Многіе изъ бунтовщиковъ продолжали повторять: «пусть Петръ Матвѣичъ вернется—мы ему брюхо балахономъ распустимъ!» Но другіе дворовые и крестьяне удалялись отъ подобной дерзости и не желали даже и оставаться въ Смоленской губерніи при видѣ такихъ безпорядковъ и въ ожиданіи непріятеля. Такимъ образомъ тронулись мы большимъ обозомъ въ путь къ Медынскому уѣзду.

Пришлось намъ вскорѣ встрѣтиться и съ Французами.

---

[1]) Мнѣ очень жаль, что я тогда не записалъ имя и фамилію этой смѣлой женщины.

Сколько мы ѣхали—не помню; только остановились подъ вечеръ а лужочкѣ у рощи какой-то лошадей покормить и сами поужинать. :лышно было, что непріятель близко. У людей нашихъ у всѣхъ были опоры и ножи, а кой у кого даже и ружья: хоть и плохія, а ружья.

Ѣхалъ съ нами нашъ кузнецъ, тоже крѣпостной Петра Матвѣевича, охотникъ, стрѣлокъ довольно хорошій; ружье у него было старое; ой-какъ самъ его вычинилъ, зарядилъ и пороху на полку насыпалъ.

Поставили мы телѣги въ кучу; лошадей пустили на траву, а сами жинъ варить.

Ну, варятъ ужинъ. А мы, дѣти, играть.

Вдругъ какъ выскочитъ изъ рощи всадникъ на сѣромъ въ яблоахъ конѣ... Красивый бѣлокурый мужчина, молодецъ въ мундирѣ.)становился, лошадь (картина просто!) такъ подъ нимъ и играетъ! на груди у самого, я помню, золото блеститъ... Такъ прекрасно!

Выѣхалъ офицеръ этотъ изъ рощи, а за нимъ человѣкъ десятьвадцать пѣшихъ солдатъ выбѣжали.

Видимъ, одежда совсѣмъ не наша. Всѣ поняли, что это Фран.узы. Они остановились, глядятъ; а наши не знаютъ что дѣлать.

Только подходитъ кузнецъ нашъ къ батюшкѣ моему за возами и оворитъ: Батюшка, благословите на брань за Вѣру и Отечество.

Батюшка говоритъ: имѣешь благословеніе! и благословилъ кузнеца оружіе его во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Кузнецъ тотчасъ же изъ-за воза какъ прицѣлится въ офицера и ыстрѣлилъ. Мы глядимъ, офицеръ вотъ такъ закатился и о земь съ оня; конь ускакалъ, а солдаты Французскіе тоже уходятъ въ разсыпую въ рощу. Тогда наши ободрились и погнались ихъ по одиночкѣ овить. Переловили и перебили человѣкъ шесть-семь, если не больше. 'битыхъ принесли, всѣхъ ихъ (и офицера) раздѣли до нага. Вещи опрятали подальше на возахъ подъ другой поклажей, а нагіе трупы сѣ вмѣстѣ свалили въ кустахъ въ большомъ оврагѣ, по близости. Іотомъ стали ужинать.

Послѣ ужина, какъ стемнѣло еще больше, мнѣ опять захотѣлось оглядѣть на убитыхъ; я съ товарищами, съ другими рябятами и пробрался въ оврагъ; говорю имъ: «давай, еще посмотримъ убитыхъ!»

Отыскали мы ихъ; лежатъ всѣ вмѣстѣ голые и въ крови. И офиера красиваго мы сейчасъ узнали. Смотримъ, а онъ еще дышетъ. 'лаза закрыты, грудь такая мужественная, высокая и дышетъ тяжело акъ. Мы сейчасъ побѣжали назадъ и сказали объ этомъ; пошли люди прикололи его ихнимъ же, кажется, штыкомъ.

Такъ мы спаслись и отъ непріятеля, и съ помощью Божіей даже обѣдили его. Только, опасаясь оставаться дольше въ этомъ мѣстѣ,

ночью же тронулись въ путь и благополучно прибыли въ Медынскій уѣздъ и тамъ пробыли до самаго изгнанія непріятеля изъ Россіи и до водворенія порядка.

Тогда и тѣмъ мужикамъ, которые во время нашествія бунтовали и грабили, пришлось отвѣчать за эти дѣла. Петръ Матвѣевичъ вернулся изъ ополченія и узналъ обо всемъ отъ батюшки и отъ другихъ людей.

Собрали крестьянъ передъ крыльцомъ.

Петръ Матвѣевичъ вышелъ *въ мундирѣ* и спросилъ:

— А кто изъ васъ хотѣлъ мнѣ брюхо балахономъ распустить? Выдавайте виновныхъ, а не то всѣмъ хуже будетъ.

Долго не выдавали мужики виновныхъ. Наконецъ выдали. Петръ Матвѣевичъ тутъ же передъ крыльцомъ велѣлъ ихъ наказывать. И сѣкли ихъ такъ сильно, что уже идти они сами не могли, и домой ихъ отнесли на рогожахъ.

*

Такъ кончилъ отецъ дьяконъ свой разсказъ.

— Жестоко! замѣтилъ я ему въ заключеніе; но и тогда, не смотря на всю молодость мою и на искреннее человѣколюбіе, я замѣчаніе это сдѣлалъ задумчиво и нерѣшительно. Вопреки всѣмъ обязательнымъ принципамъ либеральнаго Московскаго студента 50-хъ годовъ, я чувствовалъ, что грозная расправа дѣда моего была все-таки гораздо лучше, чѣмъ безнаказанная рубка чужихъ каретъ, чѣмъ пытка почтеннаго священника и даже чѣмъ угрозы «распустить балахономъ брюхо» дворянину, который очень многимъ пожертвовалъ для войны, снарядивъ на свой счетъ и даже нѣсколько сверхъ средствъ своихъ отличный отрядъ ополченцевъ, самъ, не смотря на поздній возрастъ свой, пошелъ на войну и даже отдалъ въ военную службу 16 лѣтняго *единственнаго* сына и наслѣдника своего, котораго онъ желалъ бы хранить какъ зѣницу ока.

Тогдашняя «интеллигенція» Россіи была сурова до крайности къ подвластнымъ и подчиненнымъ своимъ; но она *и себя не жалѣла, когда дѣло касалось государства.*

К. Леонтьевъ.